

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-56-71

Консенсус Уолл-Стрит как препятствие для эффективности зеленого перехода

О.Н. БУЧИНСКАЯ, кандидат экономических наук

E-mail: buchinskaia.on@uieec.ru

Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России;

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург

Аннотация. Несмотря на то, что попытки экологизировать экономические процессы предпринимались еще с конца XX века, их результат крайне неоднороден и неэффективен для развивающихся стран. Это связано с тем, что инструменты, применяемые в рамках зеленой повестки, работают не столько на достижение целей устойчивого развития, сколько на увеличение прибыли транснациональных компаний и институциональных инвесторов. В результате на смену Вашингтонскому консенсусу приходит так называемый Консенсус Уолл-Стрит. Предлагаемый в его рамках экономический инструментарий не приводит к повышению экологической и экономической эффективности хозяйств развивающихся стран и усиливает их зависимость от крупного зарубежного капитала. В этих условиях развивающимся странам в целом и России в частности необходимо пересмотреть стратегии зеленого перехода с тем, чтобы они, способствуя экономическому росту, не усиливали социально-экономическое неравенство и зависимость от зарубежных финансовых структур.

Ключевые слова: Консенсус Уолл-Стрит; зеленая повестка; зеленая экономика; зеленое финансирование; стратегия зеленого перехода; загрязняющие офшоры; институциональные инвесторы

Введение

Экологическая проблематика сегодня оказывает существенное влияние на экономические и политические процессы, происходящие в мире. Зачастую стремление к экологизации производства и снижению ущерба окружающей среде принимает формы не сотрудничества стран в решении экологических и экономических проблем в рамках устойчивого развития, а политического и экономического противоборства с целью вытеснения потенциальных противников со стратегически важных позиций на товарных рынках. Для предотвращения такого рода давления и эффективного решения экологических задач необходимо понимание источников подобного противодействия.

В данной статье мы попытались установить истоки пристального внимания мирового финансового сообщества к экологическим проблемам, выявить последствия этого для развивающихся стран и предположить возможные направления деятельности Российской Федерации для защиты национальных и экологических интересов в современных условиях.

Инструменты Консенсуса Уолл-Стрит и последствия их применения

Эффективная природоохранная деятельность требует значительных капитальных вложений, масштабных исследований, постоянного обновления технологий, ликвидации экологически неэффективных производств, соответствующей переориентации и переобучения трудовых ресурсов. Поэтому вопрос зеленого финансирования крайне актуален для экологически ориентированных компаний. Традиционно это были прямые инвестиции, внутренние или зарубежные. С течением времени появились новые инструменты финансирования, такие как зеленые облигации, облигации с покрытием, инструменты секьюритизации активов. Это позволило привлечь институциональных инвесторов, заинтересованных больше в получении прибыли от ценных бумаг, нежели в достижении результатов, качественно влияющих на экологическую ситуацию. К ним относятся прежде всего пенсионные фонды, страховые компании и фонды национального благосостояния, а также крупные международные инвестиционные компании.

Усиление власти подобных инвесторов привело к появлению в научном дискурсе концепции так называемого «Консенсуса Уолл-Стрит» (WSC), приходящего на смену «Вашингтонскому консенсусу». А именно – к попытке крупных финансовых организаций занять монопольное положение на Глобальном Юге и выдвинуть политические инициативы, направленные на укрепление своих позиций. Консенсус Уолл-Стрит поддерживается правительствами развитых стран, глобальными и местными институциональными инвесторами. На пике популярности зеленого финансирования в рамках WSC предлагается свой собственный инструментарий проникновения на рынки капитала развивающихся стран (таблица) [Dafermos et al., 2021].

Инструментарий климатической политики Консенсуса Уолл-Стрит

Инструментарий климатической политики	Климатическое регулирование	
	уменьшение изменения климата	адаптация к изменению климата
Развитие финансирования климатоориентированной инфраструктуры через систему государственно-частного партнерства (ГЧП)	*	*
Центробанки как спасатели климата последней инстанции		*
Раскрытие информации о климатоориентированных финансовых рисках	*	*
Выплаты за выбросы углерода	*	

Источник. [Dafermos et al., 2021. P. 243].

Относительно климатической повестки предусматриваются две стратегии: уменьшение темпов негативного изменения климата и адаптация жизнедеятельности к изменяющемуся климату. Первая из них связана с декарбонизацией экономики и формируется в рамках экологической политики развитых стран, вторая реализуется странами, находящимися в неблагоприятных экологических условиях (это прежде всего развивающиеся экономики Африки, Центральной и Южной Америки). Стратегия адаптации подразумевает создание инфраструктуры, которая защищает от связанных с климатом бедствий (ураганы, засухи, наводнения и т.д.), оказание финансовой поддержки экономическим агентам, пострадавшим от изменения климата, адаптацию финансовой системы к потенциально растущим финансовым потерям, связанным с климатом.

Несмотря на растущую пропаганду инструментария Консенсуса Уолл-Стрит, его применение вызывает беспокойство у ряда исследователей. Как за рубежом, так и в России идет активное продвижение государственно-частного партнерства (ГЧП) как эффективной модели финансирования проектов в сфере климатической повестки [Berezin et al., 2018; Барбашина, 2021; Anwar et al., 2021; Chunling et al., 2021], но есть примеры, показывающие сомнительность использования ГЧП из-за ошибок государства или бизнеса или конфликтов между сторонами [Osei-Kyei et al., 2019; Корреñан, 2015]. Так, отмечено, что в Европе наблюдается снижение числа финансово закрытых сделок ГЧП при увеличении их размера, в развивающихся же странах растет количество сделок ГЧП, с участием международных финансовых и бизнес-организаций. При этом зачастую отсутствуют данные, сколько из выделенных на такие проекты средств было освоено [Алексеев, Тесля, 2020].

А. Пролубников [Пролубников, 2020] отмечает, что при применении механизмов ГЧП с участием иностранных провайдеров услуг развивающиеся страны, как правило, сталкиваются с оттоком капитала, в то время как развитые более устойчивы к этому оттоку. Таким образом, использование ГЧП может усиливать зависимость развивающихся стран от иностранных подрядчиков и компаний-поставщиков.

Повышается нагрузка на центральные банки развивающихся стран: ожидается, что они будут выкупать обесценившиеся активы при наступлении события так называемого «зеленого лебедя» – системного риска, который включает в себя взаимодействующую, нелинейную, принципиально непредсказуемую экологическую, социальную, экономическую и геополитическую динамику, связанную с изменением климата. Это существенно снижает их устойчивость [Bolton et al., 2020]. Этот инструмент, однако, не предусмотрен для центральных банков развитых стран, реализующих стратегию уменьшения изменения климата (таблица). Таким образом, подобный инструмент направлен не на укрепление экономики развивающихся стран, а на дальнейшее понижение устойчивости их финансовых институтов, с целью укрепления зависимости от политики экономически развитых стран и крупных финансовых игроков.

При распространении политики раскрытия информации о зеленой деятельности фирм и использовании штрафных санкций за применение «грязных» технологий тоже могут применяться двойные стандарты. Так, Банк Великобритании заявляет, что он «также рассматривает возможность применения штрафного фактора, который вводит дополнительные капитальные затраты на загрязняющие и потенциально рискованные виды деятельности. Однако существуют препятствия для реализации такой меры, в том числе отсутствие общепринятого определения загрязняющих производств и тенденция к акцентированию определений на крайностях, и, что наиболее важно, возможность перехода видов деятельности с “коричневого” на “зеленый” с течением времени. Принятию коэффициента “штрафующего” за загрязняющую деятельность также препятствует отсутствие данных, позволяющих измерить рискованность актива. Это затрудняет калибровку любого воздействия и обоснование корректировок структуры капитала» [Carney, 2020. P. 3].

Ряд развитых стран придерживается политики не сокращения «коричневых активов», а увеличения доли «зеленых активов»¹, что дает им дополнительную свободу маневра. В то же время многие транснациональные корпорации переносят грязные производства в развивающиеся страны, что увеличивает не только финансовую, но и экологическую нагрузку последних. Этот феномен описывается гипотезой «загрязняющих офшоров» (*pollution haven hypothesis*). Интересно, что многие западные исследователи называют ее ошибочной или слабо выраженной [Eskeland, Harrison, 2003; Cole, 2004; Taylor, 2005], в то время как их коллеги из развивающихся стран говорят об устойчивой связи прямых зарубежных инвестиций с ростом экологической напряженности [Ur Rahman et al., 2019; Solarin et al., 2017; Shen et al., 2019; Rana, Sharma, 2019].

Страны Африки, Азии, Центральной Америки, наиболее подверженные климатическим рискам, как правило, не располагают развитыми зелеными технологиями, но выступают реципиентами «грязных» производств. Они зачастую имеют низкие доходы и крупную внешнюю задолженность. В результате рекомендуемого раскрытия информации о рисках снижается их привлекательность для притока капитала, и они вынуждены кредитоваться по зеленым проектам по более высоким ставкам, что увеличивает степень их задолженности [Kling et al., 2021]. Раскрытие информации о рисках, таким образом, выступает как инструмент перераспределения финансовых потоков в пользу развитых экономик и затрудняет доступ к финансовым ресурсам тем, кто сильнее них нуждается, что не только тормозит развитие зеленых технологий в развивающихся странах, но и увеличивает их экономическое и технологическое отставание от идеологов «зеленых» реформ.

Использование такого инструмента, как выплаты за углеродные выбросы, прежде всего в виде налогообложения, хотя и является действенным механизмом снижения экологической нагрузки, также крайне неоднозначно. Многие развитые государства перенесли загрязняющие производства на территорию развивающихся стран. Этим они не только добились снижения издержек производства в условиях более дешёвых ресурсов

¹ *Ferguson N.* Solvency: Insurers push against EU plan to penalise brown assets. URL: <https://capitalmonitor.ai/factor/environmental/solvency-insurers-push-against-eu-plan-to-penalise-brown-assets/>

и рабочей силы, но и переложили углеродную нагрузку на чужие плечи. Некоторые исследователи считают ценообразование на выбросы углерода очень выгодным для европейских стран, поскольку текущая ситуация позволяет им не только добиться высоких прибылей при низких затратах, но и генерировать дополнительные государственные доходы через торговлю углеродными квотами [Herburn et al., 2020]. Неудивительно, что налоговое давление на углеродные производства встречает значительное общественное и политическое сопротивление в развивающихся странах.

Вызывают озабоченность «социальные инициативы», предлагаемые в программах WSC, например, через использование интеллектуальных счетчиков энергии с функцией предварительной оплаты, которые призваны помочь бедным управлять своим энергетическим бюджетом и создать стимул для более энергоэффективного поведения [De Gouvello et al., 2020. P. 80–81]. Есть мнение, что фактически это повлечет сокращение доступа к энергии для бедных слоев общества, что отрицательно скажется и на уровне жизни, и на производственном потенциале развивающихся стран. При этом исследования показывают, что, например, в США представители самого богатого дециля выбрасывают более чем в пять раз больше CO₂, чем их сограждане из самого бедного дециля, однако налог на выбросы углерода обойдется последним в более высокую долю доходов, что делает его регрессивным налогом [Fremstad, Paul, 2019]. Подобные результаты справедливы и для Швеции², Германии³. На этом фоне подозрительно выглядят уверения в том, что применение углеродных налогов окажется благоприятным для бедных экономик с большим уровнем неравенства в доходах [Budolfson et al., 2021].

Д. Габор отмечает, что поощряемая глобальными институтами секьюритизация зеленых активов приводит не столько к снижению рисков, сколько к перераспределению средств в пользу институциональных инвесторов: «Потенциальные выгоды от организации мероприятий в области развития вокруг вопросов “как продавать финансирование развития рынку” завышены, в то время как

² Andersson J., Atkinson G. The distributional effects of a carbon tax: The role of income inequality. – Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment, URL: http://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/distributional_effects_of_carbon_tax.pdf

³ Haug C., Eden A., de Oca M. M. Addressing the distributional impacts of carbon pricing policies URL: https://www.adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Addressing_distributional_impacts_of_carbon_pricing_policies_-_adelphi.pdf

затраты – с точки зрения структурных изменений в финансовом секторе, (де-факто) приватизации государственных услуг посредством ГЧП и сужения пространства для маневра в политике для зеленого развития государства – преуменьшаются» [Gabog, 2019].

Исследователь показывает, что поворот к частному финансированию и снижение роли государства в распределении «зеленых» ресурсов и благ уменьшают перспективы справедливого перехода к низкоуглеродной экономике, не ухудшающего положение бедных слоев населения. Инициатива же Мирового банка усилить коммерциализацию транспорта, образования, здравоохранения, энергетической и коммунальной инфраструктуры, благосостояния в целом через приватизацию в развивающихся странах приводит к тому, что основную выгоду получают глобальные финансовые организации, в то время как государства будут более заинтересованы в выгодности финансовых активов, нежели в разработке реальных преобразований для достижения Целей Устойчивого Развития ООН. Через зеленые финансы ожидается переток средств в развитые страны: потоки капитала смещаются с финансирования локальных производств цемента и стали, животноводства и легковых автомобилей, размещения данных на финансирование лучших в своем классе производителей цемента и стали, животноводческих ферм, центров обработки данных и автомобилей⁴. И естественно, «лучшие в классе» технологии, защищенные авторскими патентами и попадающие в таксономию «зеленых» видов деятельности, оказываются в развитых странах.

В результате климатическая повестка уходит на второй план по сравнению с проблемой перераспределения власти над экономическими и финансовыми ресурсами. С. Тан показывает, что обращение к глобальным рынкам для финансирования устойчивого развития вытесняет национальную ответственность и участие развивающихся стран в разработке социальной и экономической политики, включая Цели Устойчивого Развития ООН [Tan, 2022]. Выбор, каким секторам уделять приоритетное внимание при принятии финансовых решений, будет определяться не национальными структурами или сообществами,

⁴ *Hache F.* 50 Shades Part III: Sustainable Finance 2.0—The Securitization of Climate and Biodiversity Policies URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3562281 <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3562281>

а институциональными инвесторами и поставщиками индексов, рейтинговыми агентствами, и пр., базирующимися в странах с развитой экономикой.

WSC, широко используя инструменты «зеленого камуфляжа» (Greenwashing), помогает представителям «коричневых финансов» изменить свой имидж, но не заставляет реально экологизировать свою деятельность. Таксономия («зеленых» инвестиций) Евросоюза находится под сильным давлением согласованного лоббирования корпоративного и финансового секторов⁵, а крупные компании вполне могут формировать свое место в рейтингах, учитывая отсутствие четкой глобальной таксономии зеленых видов деятельности и стандартов отчетности.

Стратегия Российской Федерации в развитии зеленой экономики

Исходя из вышеописанного, осуществление зеленого перехода через использование рекомендаций WSC на территории Российской Федерации не принесет стране ни эффективного развития, ни даже улучшения экологической ситуации. Напротив, можно ожидать ухудшения положения страны на международной арене и вывоза из нее средств в виде углеродных выплат и налогов. При этом ухудшаются экспортные возможности для российских товаров под предлогом их создания с помощью «грязных» технологий.

На сегодняшний день считается, что Россия мало внимания уделяет вопросам энергоперехода, и ей полезен бы был опыт Европейской зеленой сделки [Попова, 2021]. Но подобный инструментарий должен тщательно изучаться, поскольку опыт ЕС нельзя назвать полностью позитивным. Евросоюз объединяет как практически деиндустриализированные страны, так и государства с высоким уровнем промышленности и энергетической зависимости. Их возможности по зеленым преобразованиям в рамках Европейской зеленой сделки также крайне различаются [Hudec, Sinčáková, 2021]. Зеленая сделка по европейскому сценарию может привести к возникновению существенных проблем как с безработицей от закрытия добывающих производств и ростом

⁵ Storm S. The EU's Green Deal: Bismarck's 'What is Possible' Versus Thunberg's 'What is Imperative' // Institute for new Economic Thinking Working Paper Series. 2020. № 117. URL: <https://doi.org/10.36687/inetwp117>

бедности в связи с удорожанием энергии (как это произошло в странах Восточной Европы), так и с производством электро- и теплоэнергии. Некоторые исследователи [Fuchs et al., 2020] отмечают, что реализация зеленой сделки не только ставит под угрозу агропродовольственную безопасность ЕС, но и наносит экологический и экономический ущерб поставщикам сельхозпродукции из развивающихся стран, стимулируя сокращение в них лесов под увеличивающиеся сельскохозяйственные угодья и рост использования пестицидов и гербицидов.

Поскольку Россия, как и ЕС, включает в себя большое количество разноплановых по уровню экономического, социального, промышленного и энергетического развития регионов, то в первую очередь перед страной стоит задача недискриминационного социально-экономического развития субъектов Федерации. Экологическая политика должна обеспечивать не только сохранность природных ресурсов, но и недопустимость ухудшения экономического положения регионов. В климатической доктрине РФ декларируется приоритет национальных интересов при разработке и реализации политики в области климата⁶; наряду с глобальным характером интересов Российской Федерации в отношении изменений климата и их последствий.

Е. И. Буркова выделяет две проблемы, с которыми сталкивается Россия из-за зеленой повестки: отсутствие внятной стратегии перехода к низкоуглеродной модели развития и климатическая уязвимость страны [Буркова, 2021]. Однако в 2018 г. были утверждены две стратегии: «Развития лесного комплекса»⁷ и «Обращение с отходами»⁸, содержащие серьезные климатические инициативы и анализирующие имеющиеся пробелы климатической политики РФ. К сожалению, их реализация идет крайне медленно. В свою очередь Стратегия энергетического перехода, принятая в 2020 г.,⁹ предлагает четкий набор мер по энергетической трансформации страны к 2035 г., однако она требует корректировки, поскольку

⁶ Распоряжение Президента Российской Федерации «О Климатической доктрине Российской Федерации» № 861-рп от 17.12.2009 г.

⁷ «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года», утв. Распоряжением Правительства РФ № 1989-р от 20.09.2018.

⁸ «Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года», утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации. № 84-р от 25.01.2018 г.

⁹ «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года», утв. Распоряжением Правительства РФ № 1523-р от 09.06.2020.

рассчитана с учетом ежегодного роста ВВП в объеме 2,3–3% и увеличения добычи нефти и газа, т.е. в значительной степени основана на ресурсоориентированном подходе.

На наш взгляд, для поддержания реальной климатической трансформации и свободы от диктата сторонников WSC, России необходима самостоятельная эколого-климатическая политика.

Для ее реализации необходимо:

1) обеспечить аудит природных ресурсов РФ с составлением единого федерального реестра. На текущий момент у нас есть отдельные реестры, такие как Единая система учёта древесины и сделок с ней, Единый фонд геологической информации о недрах, Единый реестр почвенных ресурсов, но отсутствуют лесной и водный реестры. Консолидация и регулярное обновление информации в реестре природных ресурсов позволят оценить природно-ресурсный потенциал России и ее регионов, осуществлять мониторинг состояния национальной и региональных экосистем и т.д;

2) на основе собранных данных разработать для каждого региона программу экономико-экологического развития с целевыми индикаторами. На текущий момент таких программ в стране нет, хотя Министерство экономического развития разработало методические рекомендации по оценке климатических рисков, ранжированию адаптационных мероприятий по степени их приоритетности, формированию отраслевых, региональных и корпоративных планов адаптации к изменениям климата; в них также определены показатели достижения целей адаптации к изменениям климата¹⁰. Эти рекомендации необходимы, но недостаточны для экологически устойчивого развития российских регионов;

3) создать национальную систему стимулирования декарбонизации для бизнеса. До настоящего времени российские компании внедряют низкоуглеродные технологии лишь для доступа к иностранным, прежде всего, европейским рынкам. В связи с растущей изоляцией Российской Федерации от стран ЕС этот стимул теряет свою значимость. Поэтому, а также из-за потери доступа к ряду современных технологий и промышленных товаров их экологическая трансформация будет замедлена. Однако данный спад

¹⁰ «Методические рекомендации и показатели по вопросам адаптации к изменениям климата», утв. Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации № 267 от 13.05.2021.

следует преодолеть максимально быстро, поскольку промедление в экологическом переходе сделает российские товары менее конкурентоспособными и на других рынках, не говоря уже об ущербе экологии страны. Поэтому необходимо вводить меры по стимулированию зеленых инноваций. Прежде всего – через предоставление налоговых льгот при разработке и успешном внедрении экологически дружественных товаров и услуг, меры в виде сокращения субсидий для добывающей промышленности, рекомендуемые ЕС, могут применяться только после восстановления производства;

4) разработать систему зеленого инвестирования. В критериях устойчивого развития¹¹ помимо целевых показателей утверждены требования к финансированию зеленых проектов. Однако часть из них действует в интересах представителей WSC и не может применяться на территории РФ. Программа инвестирования не должна допускать массового оттока прибыли от зеленых инвестиций за пределы страны; она должна обеспечивать интересы производителей и государства, а не финансовых институтов, стимулировать развитие и практическое внедрение зеленых инноваций, быть устойчивой к «зеленому камуфляжу».

Для реализации подобной программы, в частности, необходимо: во-первых, разработать системы привлечения личных сбережений граждан на проекты зеленого финансирования (например, путем продажи зеленых облигаций и обеспечения их розничного оборота, исключающего возможности концентрации данных ценных бумаг в руках отдельных компаний или лиц). Потенциал этого инструмента может увеличиться при предоставлении государственных гарантий. Во-вторых, при заключении государственных контрактов в госзакупках давать преимущество программам, предусматривающим привлечение российских компаний и технологий, а также использование отечественных ресурсов для осуществления проектов. Привлечение зарубежных подрядчиков, технологий и материалов и иных ресурсов не должно превышать установленной государством нормы, их количество и качество должно быть обосновано при утверждении проекта.

В-третьих, привлечение к проектам государственно-частного партнерства зарубежного капитала должно происходить

¹¹ Критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации № 1587 от 21.09.2021.

на условиях сохранения или получения собственности на проект государством. Такими типами ГЧП могут быть BOT (Build, Operate, Transfer – частный партнер отвечает за создание объекта, может использовать его в течение определенного срока без права собственности и по окончании соглашения передает объект государству) и BTO (Build, Transfer, Operate – объект после завершения строительства передается в собственность государству, частный партнер обеспечивает его обслуживание и распоряжается доходами от эксплуатации).

В-четвертых, необходимо стимулировать внутренний спрос на «зеленые» товары и технологии. Пока что спрос на них предъявляет только ЕС, что и служит причиной зеленого экспорта [Игнатова, Дударева, 2021]. Создание культуры зеленого потребления должно усилить развитие спроса и вслед за ним заинтересованности промышленности в зеленой трансформации.

Разработка и развитие российской инициативы зеленого перехода, свободной от недостатков западных экологических инициатив, позволит стране не только сохранить собственные ресурсы и экологию, но и станет толчком к развитию инновационного производства в условиях политической и экономической изоляции.

Заключение

Проблемы глобального потепления климата и экологической напряженности актуальны уже на протяжении нескольких десятилетий, однако их решение, как за рубежом, так и в России, оставляет желать лучшего. В последние несколько лет мир фактически пережил бум зеленых инициатив – от «Нового зеленого курса» США до «Зеленой сделки» Евросоюза и озеленения китайской инициативы «Один пояс – один путь». Однако реального улучшения экологической ситуации в мировом масштабе не наблюдается.

Очевидно, во многом это связано с произошедшей в мировом сообществе подменой экологических стремлений финансовыми интересами крупных корпораций и институциональных инвесторов, в результате чего наблюдается перераспределение благ и доходов от экологически ориентированной экономической деятельности в пользу крупных финансовых игроков, в то время как страны, действительно нуждающиеся в экологической поддержке, не имеют доступа к финансовым ресурсам.

Экологическая повестка широко используется как инструмент экономического и политического давления развитых стран на появляющихся конкурентов из развивающихся экономик.

Все это лишь увеличивает глобальное социально-экономическое неравенство, решая экологические проблемы только на отдельных, как правило, уже благополучных, участках земного шара. Как и в случае с Вашингтонским консенсусом, принятие Консенсуса Уолл-Стрит окажет на экономики стран, не являющихся мировыми лидерами, разрушительное воздействие.

Ввиду этого России нецелесообразно вслепую воспринимать зарубежный опыт и инструменты «зеленого финансирования». Вместо этого необходима разработка рациональной модели зеленого перехода, направленной непосредственно на сохранение экологического и экономического благосостояния страны. Как и другим развивающимся государствам, нам необходимо делать упор на сохранение собственности на объекты ГЧП, усиление строительства объектов экологического значения с привлечением преимущественно собственных компаний и частных сбережений, ориентируясь по возможности на национальных миноритарных инвесторов.

В целом для обеспечения справедливого и гармоничного развития в русле ЦУР ООН необходимо ограничивать роль представителей глобальных финансовых организаций и не допускать их к управлению ресурсами и предприятиями национальных экономик.

Литература/References

Алексеев А. В., Тесля П. Н. Мировой опыт ГЧП: пятна на солнце // ЭКО. 2020. № 3 (549). С. 136–159. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–136–159

Alekseev, A.V., Teslya, P.N. (2020). The global experience of PPP: spots on the sun. *ECO*. Vol. 549. No. 3. Pp. 136–159. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–3–136–159

Барбашина Е. А. Роль государственно-частного партнерства в управлении процессами инновационного развития экономики России // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 1. С. 119–130. DOI: 10.18334/vinec.11.1.111948

Barbashina, E.A. (2021). The role of public-private partnership in managing the processes of innovative development of the Russian economy. *Voprosy innovacionnoj jekonomiki*. Vol. 11. No. 1. Pp. 119–130. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.11.1.111948

Буркова Е. И. Европейская «зеленая сделка» и климатическая политика новых независимых государств // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4 (53). С. 164–182. DOI: 10.20542/2073–4786–2021–4–164–182

Burkova, E.I. (2021). The European “green deal” and the climate policy of the newly independent States. *Rossija i novye gosudarstva Evrazii*. Vol. 53. No. 4. Pp. 164–182. (In Russ.). DOI: 10.20542/2073–4786–2021–4–164–182

Игнатова И. В., Дударева Э. А. «Зеленый» экспорт России в страны Европейского союза: проблемы, возможности и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 60–68. DOI: 0.24158/rep.2021.6.8

Ignatova, I.V., Dudareva, E.A. (2021). Russia’s “green” exports to the countries of the European Union: problems, opportunities and prospects. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 95. No. 6. Pp. 60–68. (In Russ.). DOI: 0.24158/rep.2021.6.8

Попова И. М. Анализ законодательных изменений и мер поддержки достижения целей «Зеленой сделки» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 4. С. 30–56. DOI: 10.17323/1996–7845–2021–04–0

Popova, I.M. (2021). Analysis of legislative changes and measures to support the achievement of the goals of the “Green Deal”. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja ekonomika*. Vol. 16. No. 4. Pp. 30–56. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2021–04–0

Пролубников А. В. Государственно-частное партнерство как инструмент государственной экономической политики // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2020. № 2. С. 21–26.

Prolubnikov, A.V. (2020). Public-private partnership as an instrument of state economic policy. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika*. No. 2. Pp. 21–26. (In Russ.).

Anwar, A., Sharif, A., Fatima, S., Ahmad, P., Sinha, A., Khan, S. A. R., Jermisittiparsert, K. (2021). The asymmetric effect of public private partnership investment on transport CO2 emission in China: Evidence from quantile ARDL approach. *Journal of Cleaner Production*. No. 288. Pp. 125282. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.125282

Berezin, A., Sergi, B.S., Gorodnova, N. (2018). Efficiency assessment of public-private partnership (PPP) projects: The case of Russia. *Sustainability*. Vol 10. No. 10. Pp. 3713. DOI: 10.3390/su10103713

Bolton, P., Despress, M., da Silva, L. A. P., Samama, F., Svartzman, R. (2020). The Green Swan – Central Banking and Financial Stability in the age of climate change. Bank for International Settlements. *Banque de France Eurosystem*. <https://www.bis.org/publ/othp31.pdf> (accessed 20.03.2022).

Budolfson, M., Dennig, F., Errickson, F., Feindt, S., Ferranna, M., Fleurbay, M., Klenert D., Kornek U., Kukuc K., Mejean A., Peng W., Scovronick N., Spears D., Wagner F., Zuber, S. (2021). Climate action with revenue recycling has benefits for poverty, inequality and well-being. *Nature Climate Change*. Vol. 11. No. 12. Pp. 1111–1116. DOI: 10.1038/s41558–021–01217–0

Carney, M. (2020). *Letter from the Governor of the Bank of England, Mark Carney, to the Chair February*. <https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmselect/cmtreasy/correspondence/Mark-Carney-BoE-to-Chair-270220.pdf> (accessed 20.03.2022).

Chunling, L., Memon, J.A., Thanh, T.L., Ali, M., Kirikkaleli, D. (2021). The Impact of Public-Private Partnership Investment in Energy and Technological Innovation on Ecological Footprint: The Case of Pakistan. *Sustainability*. Vol. 13. No. 18. Pp. 10085. DOI: 10.3390/su131810085

Cole, M.A. (2004). Trade, the pollution haven hypothesis and the environmental Kuznets curve: examining the linkages. *Ecological economics*. Vol. 48. No. 1. Pp. 71–81. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2003.09.007

Dafermos, Y., Gabor, D., Michell, J. (2021). The Wall Street Consensus in pandemic times: what does it mean for climate-aligned development? *Canadian Journal of Development Studies/Revue canadienne d'études du développement*. Vol. 42. No. 1–2. Pp. 238–251. DOI: 10.1080/02255189.2020.1865137

De Gouvello, C., Finon, D., Guigon, P. (2020). *Reconciling Carbon Pricing and Energy Policies in Developing Countries*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33490/Reconciling-Carbon-Pricing-and-Energy-Policies-in-Developing-Countries-Integrating-Policies-for-a-Clean-Energy-Transition.pdf?sequence=5&isAllowed=y> (accessed 20.03.2022).

Eskeland, G.S., Harrison, A.E. (2003). Moving to greener pastures? Multinationals and the pollution haven hypothesis. *Journal of development economics*. Vol. 70. No. 1. Pp. 1–23.

Fremstad, A., Paul, M. (2019). The impact of a carbon tax on inequality. *Ecological Economics*. Vol. 163. Pp. 88–97. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2019.04.016

Fuchs, R., Brown, C., Rounsevell, M. (2020). Europe's Green Deal offshores environmental damage to other nations. *Nature*. Vol. 586. Pp. 671–673 DOI: 10.1038/d41586-020-02991-1

Gabor, D. (2019). *Securitization for sustainability*. Heinrich Böll Stiftung Washington, DC. <https://eu.boell.org/sites/default/files/2019-11/SecurSust.pdf> (accessed 20.03.2022).

Hepburn, C., Stern, N., Stiglitz, J.E. (2020). “Carbon pricing” special issue in the European economic review. *European economic review*. Vol. 127. Pp. 103–440. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2020.103440

Hudec, O., Sinčáková, Ž. (2021). Changes in sectoral structure and spatial distribution in Europe: where has the de-industrialisation process stalle. *Geografický časopis/Geographical journal*. T. 73. Vol. 1. Pp. 21–41. DOI: 10.31577/geogrcas.2021.73.1.02

Kling, G., Volz, U., Murinde, V., Ayas, S. (2021). The impact of climate vulnerability on firms' cost of capital and access to finance. *World Development*. Vol. 137. Pp. 105131. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105131

Koppenjan, J.F. (2015). Public–private partnerships for green infrastructures. Tensions and challenges. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Vol. 12. Pp. 30–34. DOI: 10.1016/j.cosust.2014.08.010

Osei-Kyei, R., Chan, A.P., Yu, Y., Chen, C., Dansoh, A. (2019). Root causes of conflict and conflict resolution mechanisms in public-private partnerships: Comparative study between Ghana and China. *Cities*. Vol. 87. Pp. 185–195. DOI: 10.1016/j.cities.2018.10.001

Rana, R., Sharma, M. (2019). Dynamic causality testing for EKC hypothesis, pollution haven hypothesis and international trade in India. *The Journal of International Trade & Economic Development*. Vol. 28. No. 3. Pp. 348–364. DOI: 10.1080/09638199.2018.1542451

Shen, J., Wang, S., Liu, W., Chu, J. (2019). Does migration of pollution-intensive industries impact environmental efficiency? Evidence supporting “Pollution Haven Hypothesis”. *Journal of environmental management*. Vol. 242. Pp. 142–152. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.04.072

Solarin, S.A., Al-Mulali, U., Musah, I., Ozturk, I. (2017). Investigating the pollution haven hypothesis in Ghana: an empirical investigation. *Energy*. Vol. 124. Pp. 706–719. DOI: 10.1016/j.energy.2017.02.089

Tan, C. (2022). Private Investments, Public Goods: Regulating Markets for Sustainable Development. *European Business Organization Law Review*. Vol. 23. No. 1. Pp. 241–271. DOI: 10.1007/s40804–021–00236-w

Taylor, M.S. (2005). Unbundling the pollution haven hypothesis. *Advances in Economic Analysis & Policy*. Vol. 4. No. 2. Pp. 1–28 DOI: 10.2202/1538–0637.1408

Ur Rahman, Z., Chongbo, W., Ahmad, M. (2019). An (a)symmetric analysis of the pollution haven hypothesis in the context of Pakistan: a non-linear approach. *Carbon Management*. Vol. 10. No. 3. Pp. 227–239. DOI: 10.1080/17583004.2019.1577179

Статья поступила 13.05.2022

Статья принята к публикации 06.06.2022

Для цитирования: Бучинская О.Н. Консенсус Уолл-Стрит как препятствие для эффективности зеленого перехода // ЭКО. 2022. № 10. С. 56–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-56-71

For citation: Buchinskaia, O. (2022). The Wall Street Consensus as an Obstacle to the Effectiveness of the Green Transition. *ECO*. No. 10. Pp. 56–71. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-56-71

Summary

*Buchinskaia, O., Cand. Sci. (Econ.) E-mail: buchinskaia.on@uiec.ru
Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;
Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg*

The Wall Street Consensus as an Obstacle to the Effectiveness of the Green Transition

Abstract. Despite the fact that attempts to green economic processes have been made since the end of the twentieth century, their result is extremely heterogeneous and ineffective for developing countries. This is due to the fact that the tools used in the green agenda do not work to achieve the goals of sustainable development, but only increase the profits of large multinational companies and institutional investors. As a result, the Washington Consensus is being replaced by the so-called Wall Street Consensus. The economic tools suggested by this consensus do not improve the environmental and economic efficiency of the economies of developing countries and make them more dependent on big foreign capital. Under these conditions, developing countries in general and Russia in particular need to review green transition strategies and develop tools to ensure it together with economic growth without increasing socio-economic inequality within the country and increasing dependence on foreign financial structures.

Keywords: *Wall Street Consensus; Green agenda; Green economy; green financing; green transition strategy; polluting offshore; institutional investors*